

— Ну, что делать, — говорит, — сообщишь, ребят пошлешь соседних. До обеда-то поработаю, а потом, может, приду.

А я в часу одиннадцатом померла. Пролежала я до без каких-то минут до двенадцати ночи без чувств. Приехал папа на обед. Мама говорит: „умерла“. <Отец> говорит: „долго ли?“

Он, значит, съездил к попу, сказал, что вот так и так: дочь болела, а вот умерла или что с ней, не шевелится, не дышит-ничего; послухать — дыхания нет, захватило. Он гроб сделал, уже крышку доделывал. И уже, где я лежать, так все готово, надета, наложена на столе. Спала, спала я. Мама коров доить стала, ночью-то, пришли-то поздно коровы в августе. Она доит коров, а папа доделывает мне гроб в сарае. Бабка бежит без оглядки:

- Ах, Господи Иисусе, Святой Боже, святители, вставает дочь.
- Да что ты, матушка?
- Подьте, — говорит, — она встават, а я убежала.

А я, значит, стала шевелиться. Потом, — говорит, — стала ворочаться. А я лежу, — говорит, — не во сне ли мне это чудится? Да бегом с квартиры на сарай. Приходят, а я себе сижу, смотрю: в белом, на столе наложена, что-то я не на кровати. Маленькая была, бойкая, еще в школу ходила, так с попами грешила ... Отчаянная голова была, теперь-то никуда негожа. А шуткой шутить бедова с мужиками, бабами. Где-нибудь какая, как ястреб, подскочку, сорву да бегом убежу.

- А что видели, когда лежали?
- А ничего не помню, ничего не видела, не помню, мне три с половиной года было, так ... Да, пить-то мне дали, принесли.
- Мама, а почему же я в белом вся?
- Да ты спать легла, так закрыто.

Что было на мне, потом сняли все белье это. Одели опять по-своему, в чем раньше бегала.

- А куда это девали?
- Раньше на воду спускали.
- А для чего спускают?
- Не знаю, спустили всю эту одежду и гробик, расколотили по доскам и спустили.
- Ну, и с тех пор никаких изменений? Вы точно так же играли и бегали? Ничего не изменилось, ничего не произошло?
- Играла, бегала. Кофею — того не пью, не надо мне ни кофею, ни какао».

*Зап. в июле 1969 г. в д. Филимониха Н. А. Криничная, Т. А. Коски. — АКНЦ
23/272.*

115. КОМПАНЕВИЧ ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА, 1930 г. рождения, д. Дубова, Колодозерского сельсовета, грамотная. (См. Герасименко М. И., № 41).

116. КОНАШКОВ ФЁДОР АНДРЕЕВИЧ, 78 лет. «Мне было полтора года, когда умер мой отец. Я жил с мамашей до 1916 года. Осенью в 1916 году она померла. До семи лет я воспитывался у своего дедушки. Священник просил у дедушки отдать меня учиться грамоте, а дедушка говорит: „Я не отдам тебе в ученье внука — за уши рвать. Мой внук и неграмотный будет на поляне навоз считать“. Так я и остался неграмотным. За это дедушку нечем хорошим поминать.

Конашков Федор Андреевич

жал лесничий от казны, то показывали только небольшую часть леса. А за это уважение ему дадут сахару головы, чаю — ящики. Он и повезет все в город Пудогу, верст за тридцать семь.

Как завод лесопильный „ходил“, жили на заводе рабочие из Ваги, назывались „ваганы“. И в то время была с Турцией война. Мне тогда было семнадцать годов. Нашего войска русского пало много и требовали на войну „билетных“. Все общество приезжало за „билетными“, там и я был. Забирали всех рабочих. Мы и свезли их в город Пудогу. Нам сказали: „Япеша (депеша) пришла, замиренье“. Может быть, япеша шла ни один месяц. И мы повезли „билетных“ возвратно на завод. А нынь, как была война с германцем, в один час все было известно по всей Русии.

Я был с сыном в ловище, в устье, об Онежское озеро. Сидел, обедал круг полудня. Пришел нарочный, сказал, что Николая (сына) требуют завтра в город и на войну потом. Я с сыном отправился в город Пудож. Их взяли на пароход и повезли прямо в Питер. Сына взяли германцы под Варшавой в плен. Другой сын, Петро, в Виленской губернии похоронен. Не удалось и могилы повидать. Николай жил в Германии, в плена шесть лет. Теперь он живет с семьей дома.

До женитьбы жил с дядями и со своей матерью. Женился на 23-м году. Взял жену в своей деревне, у соседа Александра Яковлевича Карабанина. Ей было 20 годов. Зовут жену Маланью Александровну. Как женился, то в то время занимался хлебопашеством. Земли душевой было мало, то рубил в лесу прутняги¹, и сеял рожь и жито, и лен пахал для продажи, чтобы хлеба купить. Своего хлеба не хватало. Как хлеба на сенокос не хватает, до своего хлеба, то у купцов на бирже попилию дров — так и кормился. Что со льну напрядут бабы пряжи, я наску и сетей навяжу — мережи. И стал сетями ловить в Онежском озере рыбу. И кормился этим до сих пор.

Былины я понял от дяди своего — Василия Степановича Конашкова, отца моего третий брат. А дядя мой знает былины от своего отца, моего дедушки — Степана Ивановича Конашкова. Дед от своего отца. Так из рода былины переходили.

¹ Прутняги — мелкий лес. — Иванова.

Из нашего рода человек был при Иване Грозном в Москве, где он выучился петь былины. Былины я пел, как бревна рубил купцам. В лесных фатерках спевал былины. Наберется много возчиков, по триста лошадей ходило на вывозку каждый день, — тут и слушали.

На ловище, когда рыбу ловил, пел былины. Тут люд разный в фатеру наберется. С пароходов найдет слушать народ. Пароходы тогда ходили в Ленинград. Тут и узнали меня — певца. Приезжали из Петрограда и из Москвы и списывали меня.

В царское время, 42 года тому назад, приезжал генеральский сын — Добролюбов Олег Михайлович. Он жил у меня на квартире шесть месяцев и списывал все былины.

Двадцать лет назад из Русского музея приезжала за мною Гринкова <Надежда> и увезла меня в Петроград. Там возила меня по всему городу и по школам, где я выступал.

Потом приезжали ко мне, годов пятнадцать назад, — 1921 год, Соколов Борис Матвеевич, Чичеров Владимир Иванович, Бородин Сергей Петрович с женой и списывали былины. Они записывали не все былины, сказок не записывали. Братьям Соколовым посыпал из дома свои записи былин. В том же году приезжал за мною Бородин С. П. и увез меня первый раз в Москву, к Соколову Борису Матвеевичу. Он жил там, где Нескучный сад, где жила Екатерина II и царствовала. Выступал в музее, где царствовала Екатерина II, и в летнем саду. Пел на разных вечерах, выступал в радио. Везде пел былины — Про Илью Муромца и другие. Песен не пел, стихов и сказок не спрашивали. Сопровождали братья Соколовы.

Второй раз ездил в Москву через год (1922 г.). Жил в Историческом музее на Красной площади у Юрия Матвеевича Соколова, редкий день не выступал. Третий раз ездил в Москву через три года (1925 г.), по вызову братьев Соколовых, вместе со сказительницей Богдановой Настасьей Романовной. Жил в общежитии у Мясничих ворот, пер. Фокина, дом 2. Выступал везде.

Четвертый раз был в Москве у профессора Колесова Василия Григорьевича — Молологовой пер., дом. 5 кв. 2. Выступал по всей Москве с былинами и сказками.

Пятый раз ездил в Москву два года тому назад. Выступал на съезде писателей — ул. Володарского, д. 52 — пел былицу про Чурилу — Катерину, про Ставра сына Гординовича, рассказывал сказку про Ерша.

Во время этих поездок в Москву никаких записей не производилось, были только выступления.

Теперь (19/11—1937 г.) вызывают шестой раз в Москву в редакцию 2-й пятилетки для записей былин. Теперь былины больше любят слушать, чем раньше. Былин у меня никто не перенял. В окрестностях других певцов былин нет.¹ Сказочник есть — Сорокин Григорий — Бесов Нос, Каршевский сельсовет, Нигижемская волость. Песни знают: 1) Семкина Марья Александровна — д. Каршево, Семеновский сельсовет, Пудожский район; 2) Регова Анна Михайловна — д. Семеново, Семеновский сельсовета Пудожский район».

¹ Линевский А. М. в книге «Сказитель Ф. А. Конашков» дает на стр. 11 сноска следующего содержания: «Даты своих встреч с советскими фольклористами Ф. А. Конашков указывает неточно. Первая встреча произошла в 1928 г., когда сотрудники экспедиции «По следам Рыбникова и Гильферdinga» производили записи в Пудожском крае. После этого в течение ряда лет Конашков ездил в Москву к бр. Соколовым. В 1929 г. Конашков проездом через Ленинград остановился по приглашению Этнографического отдела Русского музея. Здесь Н. П. Гринковой были организованы его выступления».

Характеристика семьи: 28/III—1931 года отданы в колхоз кони, коровы. Дети разделились раньше, после германской войны. Живет со старухой на пенсию, которая назначена Карельским правительством в сумме 70 рублей. Налогов никаких не платит. Состоит на особом учете. Дрова получает бесплатно. Коровы и никакого хозяйства нет.

Зап. в 1937 г. М. А. Иванова — АКНЦ 122/27. Л. 250—253 (автограф), л. 256—259 (м/п копия) — опубл. с незнач. сокращ.: Линевский. С. 10—12. Краткие биогр. справки см. также: АКНЦ 122/27. Л. 263; Сказители-орденоносцы. С. 5—6; Карелия. Кн. 1. С. 109—110; Иванов, Титов. С. 60—61; Ю. Дюжев. С. 86—88.

116а. Конашков Федор Андреевич, 68 лет, из дер. Семеновой на р. Шале (Водле). Неграмотный. Женат 42 года. Былины слышал от деда, Степана Ивановича Конашкова, и дяди, Василия Степановича Конашкова. «Старины в нашем дому лет триста — после Ивана царя Грозного. Дедко пел, дядя Василий Степанович

умер лет 25, — лет 70 было. Из рода в род в нашем роду. К нам ходили на беседу. Про былины далеко молва шла. Осенью ловцов 30 к нам ходило на беседы. Былины не одинаково заводятся. Женьску пою для женщины, для молодого — о сватосьбе Владимира, для женатого — среднюю. У тебя жона есть? Так тебе про умную жону спою ... Старины пели когда придется, — за работой и по просьбе публике. И ныне любят все слушать». За Конашкова соглашались работать, лишь бы он пел былины. «Я любитель петь. Сидишь, как в гармонь играешь».

На лов рыбы ездил в Устье Шалы (рыбачий поселок при впадении реки Шалы в Онежское озеро), где часто пел старины.

Ф. А. Конашков говорил: «Уж я не любил этих вертушек, не любил плохих сказок». Когда рассказывал сказки, сравнивал их с былинами. «Сказка интересна, на мотив только не пробовал петь».

«Деды любили про войны и про княженескии пирсы. Бабы любят «Ставра», что баба дават толку мужу. Ето бабья».

Ф. А. Конашков женился 23 лет. Былинам научился, когда ему было еще 20 лет. «Матив надо понять, матива у детей нету. Надо, чтобы складно выходило».

Конашков с большим вниманием слушал пение былин Г. А. Якушовым. Конашков и Якушов давно знали друг друга и с давних пор выступали соперниками в исполнении былин. «Вместе и в кандрелях ходили, танцевали. Оба были бойчее. Хозяйку мою теребил, обнимал да целовал, как она еще девкой была».

Вообще, Конашков других сказителей слушал с большим вниманием, как знаток и ценитель былевого эпоса. Часто спорил из-за того, какой мотив лучше. В разговоре любил цитировать былины и приговоры дружек.

Лет 20 тому назад у Конашкова записывал былины О. М. Добролюбов; где сделанные им записи — неизвестно. Конашков неоднократно бывал в Москве и в Ленинграде, где выступал с пением былин и рассказыванием сказок. В последние годы Конашковым создан ряд произведений с современной тематикой (сказка «Самое дорогое», новинки и т. д.) В 1938 г. Ф. А. Конашков был принят в члены Союза

советских писателей. В 1939 г. за творческую деятельность он был награжден орденом Знак Почета. Умер Ф. А. Конашков в родном селе <в 1941 г.>.

Зап. в июле 1928 г. в д. Семеново Ю. М. Соколов. — Летописи. Онежские былины. С. 343—344.

1166. <Из статьи Бориса Соколова «Два сказителя»>:

«Нижеследующая статья московского этнографа, умершего 30 июля 1930 г., писалась непосредственно под впечатлением от фольклорной экспедиции 1928 г. Г. А. Якушова,¹ названного здесь лучшим исполнителем былин наших дней, сегодня тоже уже нет в живых. Эта статья предназначалась для журнала „Slawische Rundschau“, но прошло уже четыре года, прежде чем она, по счастливой случайности, попала к нам.

1.

<...> По сравнению с эпохой Рыбникова и Гильфердинга число исполнителей былин, владеющих большим репертуаром, теперь значительно уменьшилось.

Тем не менее нам удалось встретить удивительных и интересных сказителей, я бы даже сказал „классиков“ былинного исполнения. Их пример позволил нам убедиться, что в большинстве случаев мы имели дело с потомками (кровными родственниками или близкими духовно) замечательных сказителей гильфердингского периода. Художественные традиции этих исполнителей передавались по наследству через два, три последующих поколения. О двух сказителях этой „классической школы“ — 70-летнем Федоре Андреевиче Конашкове и 69-летнем Григории Алексеевиче Якушове — и пойдет речь. Оба живут на берегу реки Пудога, точнее на восточной стороне Онежского озера: один в устье Шалы, другой северо-восточнее, на Купецком озере. Воистину это редкие сказители, таких ни мы, ни другие собиратели эпоса еще не встречали. Прежде всего, они удивляют объемом своего репертуара. От Конашкова мы записали 19 былин — столько же, сколько Рыбников и Гильфердинг зафиксировали от самого лучшего и опытного сказителя Т. Г. Рябинина. Огромное удовольствие доставил нам и Якушов, который исполнил нам 37 былин, приблизительно 10 000 стихов, то есть две трети всего былинного материала. Будучи оба совершенно неграмотными они, вполне очевидно, — подлинные хранители и продолжатели тысячелетней устно-поэтической традиции.

Конашков Федор Андреевич (слева),
Якушов Григорий Алексеевич

¹ О Якушове Г. А. см. № 356—356ж. — Составитель.

Сразу по прибытии нашей экспедиции в село Семеновское на реке Водле и после наших расспросов о сказителях нас направили к Конашкову. К сожалению, его не было дома, и мы направились на его поиски на следующий день. Говорили, что он пошел в рыбакскую деревню, расположенную в устье Шалы, в 13 км от Семеновского. Мы дошли до этой рыбакской деревни, разыскали описанный дом и увидели на скамейке перед ним крепкого старика, который плел сети. Он пошел нам навстречу. Это был довольно коренастый мужчина со светло-рыжей окладистой бородой, начинавшейся прямо под глазами, с большим лбом, поделенным надвое горизонтальной морщиной. Между бородой и бровями светились маленькие веселые глазки... В ответ на наши первые слова о том, кто мы и что нам нужно, он приветствовал нас радостно и шумно, обнял меня как старого знакомого и настаивал, чтобы мы раздевались и рассаживались.

„Конечно, я люблю старины. Никакой ошибки“, – сказал он.

Сразу же возникла оживленная беседа. Было ясно, что присущее любому специалисту восхищение перед былинами встретило его горячее участие. Не прошло и 20 минут, как мы уже вынимали наши тетради и карандаши, приготовляясь записывать. Мы всегда записывали втроем, так как только в таком случае возможна точная запись, позволяющая не прерывать сказителя и не упустить ни одного звука.

Уже при первых словах былины о Ставре Годиновиче мы убедились, что перед нами был подлинный знаток и любитель былин, который произносит каждое слово со вниманием и полной отдачей. Правда, Конашков не отличался ни мощным голосом, ни разнообразием мелодии. Но при этом, вне всякого сомнения, было ясно его проникновение в былину, его живой интерес к её содержанию и к отдельным оборотам. Он не пел былину, он наслаждался ею. Довольно часто он прерывал размеренное исполнение былины, чтобы вставить пояснительные замечания, тем самым проявляя непосредственный интерес к дальнейшему ходу действия или к какой-нибудь детали.

В глубокой тишине, полностью захваченные происходящим, мы сидели и писали до часа ночи, тем более, что ночь была северная, „белая“, не требующая никакого искусственного освещения. Усталые и довольные, мы легли спать на полу, постелив свои парусиновые плащи. В три часа нас разбудил наш нетерпеливый сказитель. „Вставайте, будем петь другие старины, а то мне нужно на озеро“. Через минуту мы были на ногах. После малинового чая мы снова сидели за работой. Старик не пошел к озеру, – он только отправил туда сыновей и племянницу. И снова мы записывали до глубокой ночи, исчерпав весь репертуар Федора Андреевича.

В перерывах между отдельными частями наших записей мы узнали от разговорчивого сказителя много интересного о его личной судьбе, о прошлом и настоящем. Прежде всего нас интересовал вопрос, откуда у него такое знание былин. Выяснилось, что его учителями в этом искусстве были его собственный дед Степан Иванович Конашков и его дядя Василий Степанович, умерший около двадцати пяти лет назад в преклонном возрасте. „Старины в нашей семье поют лет триста, пожалуй, со времен Ивана Грозного. От рода к роду они дошли и до нас“. Явно, что его дед и дядя, действительно, были хорошими сказителями и собирали большой круг слушателей. „По тридцать и более рыбаков приходили к нам в дом послушать“. Вероятно, было чистой случайностью, что Гильфердинг их не встретил, возможно, их не было дома.

Федор Андреевич вырос сиротой. Когда ему было полтора года, он потерял отца и мать. Дед и дядя были его воспитателями. Еще ребенком он слышал от них

былины. Повзрослев, он много путешествовал по миру. Раз двадцать был в Петербурге для продажи рыбы. Однако читать и писать он не научился. „Вместо имени я пишу ФАК“, то есть свои инициалы. Женился он в 42 года Жена его еще весьма бодрая женщина. У него было четыре сына, один из них погиб на войне, остальные находились дома. Старший отделился, он живет в том же доме, но в своей половине. Физически Федор Андреевич сохранился необыкновенно хорошо и абсолютно здоров, не курит и не пьет, хотя и не старовер. По характеру это живой, веселый, разговорчивый человек. Его речь постоянно пересыпана шутками, поговорками, но больше всего любит цитаты из своих любимых былин.

Он хорошо знает, как обходиться с былинами и как приспособить их к конкретному случаю. Например, спрашивает: „У тебя есть жена?“ – „Конечно.“ – „Тогда спою тебе старину про умную жену“. И он поет былину о Ставре Годиновиче, который был освобожден своей умной женой Василисой Микуличной из темницы. Или: „Тебя как зовут?“, – спрашивает он другого. – „Владимир“. – „А, Владимир? Тогда спою тебе, как князь Владимир женился“. – И так далее. Ему было не по душе, если мы заранее хотели узнать, какую былину он будет петь. „Вот когда запою, тогда и узнаешь“. И действительно, было очень интересно записывать былину, не зная, какой материал ляжет в ее основу. Нас это увлекало, и сказителю нравилось нас удивлять. Чтобы быть уверенным, он пел только те быlinы, которые хорошо зная. „Не терплю, когда меня сбивают, хотят поправить. Что ты знаешь, должно идти одним махом“. Конашков необыкновенно гордится своей потрясающей памятью. „Если бы я мог писать, я бы и в миллионах не ошибся. Мы как-то собрали 4000 рублей, так я знал, от кого какая копейка. А у детей памяти нет. Никто из них не знает старин. Дети не в меня пошли. Не моя головка! Вот у меня была головка-то. Ну и память была!“ Некоторые из его былин были необычайно длинными. „Прежде чем с Ильей Муромцем управишься, на лодке верст десять проплыешь“. Так и было. Былину об Илье Муромце он пел без перерыва более чем два часа.

Что касается сюжетов былин, то у Конашкова совершенно определенный вкус: почти без исключения он исполняет военные и героические быlinы. „Очень люблю, когда дело идет о войнах, князьях, богатырях“. Он, правда, исполняет и быlinы-новеллы, но это не его жанр. Мы записали от него следующие быlinы и исторические песни: 1. Ставр Годинович. 2. Грозный царь Иван Васильевич и его сын. 3. Женитьба князя Владимира (Дунай). 4. Садко. 5. Добрыня и Алеша. 6. Илья Муромец. 7. Батыга. 8. Дюк Степанович. 9. Василий (Соловей) Будимирович. 10. Чурила и Катерина. 11. Добрыня и Маринка. 12. Михайло Потык. 13. Сухман. 14. Святогор. 15. Турецкий султан. 16. Илья и голи. 17. Добрыня и змей. Кроме того, Конашков спел следующие духовные песни: 1. Голубиная книга. 2. Вознесение. 3. Жена милосердная. 4. Архангел Михаил.

Федор Андреевич не только прекрасный сказитель былин, он большой знаток северорусских свадебных обрядов, а также присказок вершника на крестьянской свадьбе. В этом качестве он известен огромному кругу, и его часто приглашают в самые отдаленные деревни. С полотенцем через плечо скакет он во главе свадебного поезда и занимает гостей своими высказываниями. Причем речь его – чистая импровизация. Находчивость и остроумие вкупе с достоинством достигают у него в такие минуты высшего совершенства. Конашков использует при этом словесное и образное богатство, которое он знает по былинам, это обстоятельство делает его участие в свадьбе еще более ценным.

После того, как мы записали и услышали множество былин, мы, сопровождаемые шутками и прибаутками Конашкова, уселись в лодку и отправились в Семеновское. Федор Андреевич пообещал, что на следующий день тоже туда приедет. Прибыв в Семеновское, мы встретили других участников экспедиции, которые нам рассказали, что сделали находку еще удачнее. Речь шла о сказителе — Григории Алексеевиче Якушове, который пообещал приехать в Семеновское на следующий день. Следующий день, действительно, стал величайшим событием нашей фольклорной экспедиции.

4.

В середине дня нас навестил Ф. А. Конашков, приехавший из Устья. Мы встретили его на крыльце:

— А у нас еще один сказитель.

— Кто же?

— Якушов из Купецкого. Вы его знаете?

Конашков немного подумал.

— Его зовут Григорий Алексеевич.

— А, так это, наверно, Шавуля?

Здесь, на Севере, в обиходе в большинстве случаев не фамилии, а прозвища, и подчас ядовитые. Шавуля означает „свекольный хвостик“, т. е. что-то никчемное.

— Знаю его, мы друзья. Долго друг друга не видели.

Мы рассказали ему, что этот Шавуля — великолепный сказитель, и что мы записали от него даже больше былин, чем от него самого.

По лицу Конашкова было заметно, что наше сообщение его заинтересовало и что его щеславие было больно задето.

— Больше? — спросил он недоверчиво. — А как он поет?

Мы вошли в класс, где шла запись.

Сказители поприветствовали друг друга. Стали обмениваться воспоминаниями. Выяснилось, что они старые знакомые. Более того — они соперничали не только по части былин, но и в любовных делах, правда, более 40 лет назад. Разговор быстро перешел на былины. Мы начали фонографическую запись мелодии. Первым пел Конашков. Запись великолепно удалась. — „Правильно! Как он (очевидно, фонограф. — примеч. перев.) поет мелодию! Он дает правильный ответ“ — радовался Конашков.

Потом пел Якушов. Был ли он взволнован, или фонограф плохо работал, во всяком случае, воспроизведение получилось с большими изъянами.

— Плохо, — торжествовал Конашков. — У меня все шло гладко.

Якушов молчал.

Потом мы предложили сказителям спеть по очереди былины на один и тот же сюжет, с тем, чтобы можно было наглядно сравнить тексты и мелодии.

Первым начал петь Конашков. Это была былина о Ставре Годиновиче. По своей привычке он пел с головой, слегка наклоненной направо, и при этом поглядывал на нас: какое впечатление он производит.

Якушов слушал в полном молчании, очень внимательно. Глаза его смотрели в одну точку, взгляд был мрачным.

Конашков закончил

Тогда начал Якушов.

Своеобразная прекрасная мелодия и мастерское исполнение поразили его соперника. Однако было заметно его несогласие при упоминании некоторых деталей в ходе выполнения былины.

Все время хочу понять, о чем идет речь. Ну вот почему грозный царь здесь, а Настасья там? Речь-то ведь должна идти о Ставре. — <Говорил Конашков>.

Он повернулся к нам и сказал, сделав жест несогласия:

— Неверно. Ничего не понимаю.

Якушов был явно задет этими замечаниями. „Может, я ошибся“, — сказал он виновато.

Разговор перевел на другую былину.

— Я знаю старину, которую я пою полдня, — сказал Якушов. — А ты знаешь ту, что про Илью и Михаило Потыка? Где Михаило под землю спускается?

Однако мы решили столь длинные былины из состязания исключить, остановились на романтической былине о Чуриле и Катерине.

Первым опять запел Конашков. Пел он интересно, гладко, однако, с точки зрения мелодии, однообразно.

— Я это сделаю покрепче, — сказал Якушов с воодушевлением.

И он запел эту небольшую былину громким голосом: мелодия была в высшей степени живой.

Конашков увидел, что побежден. Он начал придиরаться к отдельным словам. „У тебя одеяло из шелка, а у меня из соболиного меха. У меня старик Вельма Григорьевич, а у тебя?“

— Не болтай, — обрезал его Якушов. — Каждый поет на свой манер.

Конашков удовлетворился и согласился на том, что каждый поет по-своему и со своими собственными словами: „Былины поют по-разному“.

Несмотря на тщеславие и чувство соперничества, Конашков слушал якушовское исполнение с наслаждением. Его уже несколько раз звали домой к столу, а он все не уходил — хотел дослушать былину о Добрыне и Змее до конца.

„Я должен взять в себя эту старину и ее мелодию“, — говорил он. В конце концов, он все-таки должен был уйти, но хотел вернуться и попросил Якушова: „Спой им пока те, что похуже, а с лучшими подожди до моего возвращения“.

Состязание обоих сказителей было возобновлено позже. Долго ещё раскрывали они перед нами свои сокровища, и хотя было окончательно ясно, кто из двух больший мастер, мы слушали их исполнение с одинаковым вниманием и радовались тому дню, когда эти, возможно, последние великие представители исчезающей художественной традиции смогут выступить перед более широкой публикой и вызовут не только наше восхищение».

Примечания

<В. А. Бахтиной к статье Бориса Соколова «Два сказителя»>

Статья Б. М. Соколова опубликована в пражском немецкоязычном журнале «*Slavische Rundschau*» (1932, VI), для которого она и была написана в 1928 году. В преамбуле редакция журнала¹ сообщает о «счастливой случайности», благодаря которой статья попала в журнал четыре года спустя после ее написания. В № 12 за 1932 г. журнал «Центральная Европа» (Прага) в рубрике «Среди журналов» за подписью

¹ В числе его сотрудников был Р. Якобсон.

В. К. сообщал, что статья Б. Соколова, написанная 4 года назад специально для журнала, «по дороге пропала и только теперь, благодаря счастливому случаю, попала в руки редакции».

Ее написание не случайно было приурочено к определенному сроку. 1929 год должен был стать началом осуществления грандиозного коллективного проекта европейских ученых по изучению сказительского мастерства в условиях живой эпической традиции. В число объектов исследования были включены и русские мастера, открытые северными экспедициями Б. М. и Ю. М. Соколовых «По следам Рыбникова и Гильфердинга».

Статья Б. Соколова должна была появиться накануне приезда в Германию одного из талантливых представителей русского эпического сказительства — Г. А. Якушова. Предполагалась не только серия его публичных выступлений, но и тщательное изучение репертуара, исполнительского мастерства, манеры исполнения и пр.

Однако внезапная кончина Якушова задержала осуществление проекта и побудила Ю. М. Соколова срочно переориентироваться на другого, не менее известного сказителя — Ф. А. Конашкова. По невыясненным обстоятельствам выезд последнего из России так и не состоялся.¹ Не была вовремя опубликована и статья Бориса Соколова, которая представляла немецкоязычному читателю двух севернорусских исполнителей эпических песен. Вполне возможно, что Б. Соколов сам перевел русский текст на немецкий язык, которым владел весьма прилично.

Русский вариант статьи, который нами так и не был найден, Б. Соколов отправил в редакцию журнала «Новый мир», однако на его страницах статья не появилась.

Публикуемый нами текст представляет перевод с немецкого на русский, осуществленный сотрудниками Института мировой литературы. Вторая, третья и четвертая части переведены Е. Владимировой, первая часть — Т. Говенько. Ею же произведена и научная редактура всего перевода.

Бахтина. С. 305, 306—309, 311—313.

116 в. <Из статьи В. И. Чичерова «Сказители Онего-Каргопольшины и их былины»>: «В атмосфере любви к былинам, понимания эпической поэзии на Шале возникает одна из самых значительных традиций — традиция семьи Конашковых. В утверждении Ф. А. Конашкова: „старины в нашем дому лет триста“, допустимо видеть гиперболу. Однако своеобразие его былин, устойчивость их текстов заставляют предполагать обособленность „школы“, современным видным представителем которой был Федор Андреевич Конашков. Всего от него экспедиция в 1928 г. записала 19 полных текстов и отрывков былин <...>.

Пять дефектных текстов из девятнадцати принадлежат по преимуществу к типу былин-новелл. По разнообразию былин и прекрасной сохранности репертуар Конашкова может спорить с репертуаром Якушова. <...> Конашков различал женские былины и пел их для женщин; для женатых пел одни былины, для холостых другие.

¹ Бахтина В. А. в работе «Фольклористическая школа братьев Соколовых (Достоинство и превратности научного знания)» в подразделе «Последняя совместная экспедиция» на с. 139 дает сноску № 80 следующего содержания: «См. переписку Ю. Соколова и Ф. Конашкова — РГАЛИ. Ф. 483, оп. 1, ед. хр. 1413. Л. 1—17. В конце 1929 г. Ю. Соколов писал М. Азадовскому: „Поездка моя со сказителем окончательно отложена — до будущего года. Досадно. Не могу понять, кому моя поездка мешает: ведь я ехал бы на деньги пригласивших меня университетов и институтов“ — РГБ. Отдел рукописей. Ф. 542, оп. 70, ед. хр. 46. Л. 308». — Составитель.

<...> Такая установка на слушателя привела к сохранению в репертуаре сказителя самых различных былин. В центре же эпического творчества Конашкова стоят былины об Илье и Добрыне; этим богатырям посвящено наибольшее количество сюжетов; все сюжеты о них – прекрасной сохранности.

Контаминация сюжетов в традиции Конашкова не представляет простого соединения эпизодов былин. Композиционное строение, например, сводной былины об Илье таково, что начало определяет собой все дальнейшее действие (былина имеет как бы пролог). <...> Тема защиты родины, так отчётливо звучавшая в ней, роднит понимание образа Ильи традицией Конашковых с елустафьевско-рябининской школой. Конашковская традиция озаряет образ Ильи пафосом любви к родине, стремлением защитить её.

Цикл былин Конашкова о Добрыне имеет явно выраженный пудожский характер (наиболее оригинальна и необычна былина «Женитьба князя Владимира»). Однако отождествлять их с традицией Пудожского берега (Фепонова, Прохорова, Антонова) все же невозможно. Детальное сопоставление текстов обнаруживает их различие <...>.

Ф. А. Конашков одинаково любовно и художественно исполнял героические воинские былины и былины-новеллы. Героика и новелла репертуара Конашкова как бы взаимно дополняют друг друга. В героических былинах Конашков главное внимание сосредоточивал на образе тихого, мужественного, скромного богатыря; в былине-новелле с особой силой изображал его антагониста: князя-боярина. Былины Конашкова имеют две линии развития – героику и социальные противоречия. Эти линии параллельны друг другу, взаимно дополняются, разрабатываемые на материале разных сюжетов».

Летописи. Онежские былины. С. 63–65.

116г. <Из биографии сказителя Ф. А. Конашкова>: «Родился Федор Андреевич Конашков в 1860 г. в селе Семеново, Пудожского района, б. Олонецкой губернии. Дед сказителя, Степан Иванович, долгое время батрачил и смог жениться лишь около 40 лет от роду.

Старик, по-видимому, был замечательным сказителем старин. Спустя восемь лет после рождения внука Федора он умер, передав свое знание былин второму сыну Василию. За несколько лет до смерти 80-летнего старика умер отец нашего сказителя, и, таким образом, второй сын Степана Ивановича Василий сделался самостоятельным хозяином, принял на себя воспитание будущего сказителя.

Хозяйство было немощно, хозяин молод и неопытен, а семья велика. Вели хозяйство Конашковы, как и все пудожане того времени, стародедовскими способами: <...> сжигали деревья, счищали обугленные участки от полуобгорелых, но все еще цепких корней, распахивали эти крохотные участки „нив“, засевая клочки покрытой золою земли льном и рожью. Но прокормиться этим, при всем трудолюбии, было трудно. К этому времени древний промысел – охота на дичь и зверя – начал заменяться другим, менее доходным, но зато более верным заработком – в Пудожском kraе в середине XIX века появились лесоразработки <...>.

Развитие лесозаготовок в 1870–1900 гг., по нашему мнению, способствовало сохранению былин в памяти местного населения. Зимой светает в 9 утра, темнеет в 3–4 часа дня, а 17 часов сном не заполнишь. „Сбирается народу полна фатера во лесных станах, – рассказывал мне Ф. А. Конашков, – пропоеши: вот тебе и благодарность воздадут ... Каждому старинка ведь люба была“.

Из года в год повторял молодой Конашков свой репертуар — зимой в прокопческих дымом избушках („станах“), а летом, в благодатные белые ночи, — на берегу Онежского озера на рыбалке. За десятки лет закреплялись былины в памяти самого сказителя, и там же, возможно, передавалось это знание наиболее понятливым слушателям, да и сам сказитель в то же время мог „понять“ от соседей новые для себя сюжеты, хотя он это упорно отрицает.

Когда слушаешь рассказы Ф. А. Конашкова о его жизни, невольно удивляешься монотонности такого существования. За 65 лет сказитель побывал лишь раз в своем уездном городке и дважды съездил в соседнюю Вытегру — вот и все его поездки за жизнь, если не считать выездов на знаменитую шуньгскую ярмарку.

Из года в год кругооборот жизни Ф. А. Конашкова проходил без каких-либо изменений. Существенно лишь менялось его экономическое благосостояние.

Дед Федора Андреевича мог жениться лишь около 40 лет (признак долгой жизни в батраках), а его внук в 23 года, вскоре после своей женитьбы, уже отделился от дяди. По-видимому, их хозяйство еще было маломощным — в момент его раздела хозяин владел лишь 15 рублями. Если верить жалобам Федора Андреевича, то дядя при разделе не дал ему ни копейки, и это послужило причиной ссоры племянника с дядей на всю жизнь.

В то время (середина 1880-х гг.) пара белых куропаток стоила 20 копеек, а пара неценных за „черное“ мясо полупудовых глухарей всего лишь 30 копеек. У Федора Андреевича в лесу были наставлены ловушки, а за охотничий сезон в год раздела удалось ему наловить дичи на целых пять рублей. Ранней зимой он съездил на Вытегру с грузом к купцу Лапшину, торговавшему птицей в Петербурге, а на остальное время зимы Конашков уехал „бор возить“, т. е. занялся лесозаготовками. После пяти лет самого упорного труда и отчаянной бережливости, молодой домохозяин начал дело, к которому в деревнях подготавливались годами и которое затем помнили всю жизнь — Конашков начал „строиться“ — т. е. ставить себе избу.

К началу нашего века у него подросли сыновья, и хотя работали дружно всей семьей, все же хозяйству не стало хватать своих рабочих рук. На лето в разросшемся хозяйстве Конашковых появлялись люди со стороны. Каждый год семья Конашковых перебиралась в Усть-Шалу, где обильный заработок давало рыболовство. Добывали иной раз за ночь от одной до двух тысяч штук налимов. За „миньков“ (мелких налимов) платили хорошую цену — 1 р. 20 коп. за пуд, за налима — от трех фунтов и выше — давали до 45 коп. за сига — от двух фунтов и выше — по 20 копеек за штуку. Поэтому Конашковы регулярно занимались рыболовством, а на работы по хлебопашству нанимали со стороны — ведь поденная работа женщин по 18 часов на поле оценивалась в 20–30 копеек на хозяйственных харчах.

Федор Андреевич никогда не пил спиртного, не курил и вряд ли без пользы истратил в течение жизни хотя бы одну копейку. В результате десятилетней такой экономной жизни и благодаря хорошим заработкам на Онежском озере к началу революции его хозяйство сделалось зажиточным, хотя торговлей Конашковы никогда не занимались.

После революции большая семья Конашкова распалась навсегда. Еще раньше, на германском фронте, был убит второй сын, и вскоре трое других сыновей разделились. Двое разъехались по городам. Федор Андреевич остался жить с младшим сыном. Перелом в жизни Ф. А. Конашкова произвела встреча его в 1928 г. с сотрудниками экспедиции братьев Соколовых. Он оказался одним из самых значительных сказителей современного Прионежья как по величине своего репертуара (в чем он

уступал только другому пудожскому сказителю Г. А. Якушову), так и по высокому качеству своих текстов. С 1928 г. Конашков, в числе некоторых других сказителей, стал неоднократно выезжать в Москву, Ленинград и Петрозаводск. Ранее неохотно певший былины своим землякам, Конашков теперь с большим увлечением исполнял их перед различными аудиториями. Высокий, с окладистой бородой старик везде производил впечатление „ветхозаветного“ сказителя. Медленные движения, равномерная поступь, умение с достоинством держать себя среди незнакомых, величавость и, вместе с тем, какая-то ласковая „повадка“ сразу делали его любимцем, в особенности среди учащихся, которых он и сам любил. Детям он с охотой исполнял сказку про Ерша Ершовича.

В последние годы перед смертью Конашков стал создавать новые эпические произведения на темы нашей современности. Получая письма из Москвы, Ленинграда и Петрозаводска от Союза советских писателей, от Всесоюзного Дома народного творчества, от журналов и газет, с просьбой прислать новые былины, старик хлопотливо принимался выполнять заказы, все время опасаясь, чтобы „не запоздать и поспеть к сроку“. Будучи неграмотным, Федор Андреевич создавал новые произведения устно, прося грамотных членов семьи или присутствующих гостей записать то, что он сложил. С маленькими, остро блестящими глазами, заросшее бородой лицо Конашкова начинало багроветь, когда он полушопотом перебирал свой запас былинных эпитетов, сравнений, метафор, стараясь сложить былинку „поскладнее“.

В начале 1939 г. Федор Андреевич Конашков был вызван в Кремль, и М. И. Калинин собственноручно вручил ему орден „Знак почета“. В феврале 1939 г. в секции народного творчества Союза писателей „встретился башкирский певец-импровизатор Фаррах и ... 80-летний Ф. А. Конашков ... только что награжденные орденами Союза. Они пришли сюда со своими сказками, песнями, былинами, преисполненные чувством глубокой благодарности к партии и правительству, высоко оценивших их творчество“ („Литературная газета“ от 26 февраля 1939 г.). В течение последних лет сказитель получал персональную пенсию, что обеспечило ему спокойную старость.

Высокую награду – орден „Знак почета“ – сказитель воспринял очень своеобразно. Возвратясь из Москвы, он долго не прикреплял ордена к борту пиджака, а носил в футляре и, вынимая из кафтаны, показывал орден всем землякам. Старик с детским оживлением рассказывал, как и о чем говорил он с „Михаило Ивановичем“, как товарищ Калинин потчевал его чайком и насколько пирожки в Кремле вкуснее тех, что печет дома Маланья (жена сказителя).

В 1939–1940 гг., когда мною начата была работа по изучению творчества Конашкова, Федору Андреевичу шел 81-й год. Это был еще бодрый старик, неутомимый хлопотун и, действительно, заядлый рыбак. Когда он расставлял снасти или вынимал из них рыбу, он даже переставал чувствовать боль в скрюченных от ревматизма

Слева направо:

Конашков Федор Андреевич,
Рябинин-Андреев Петр Иванович,
Коргуев Матвей Михайлович

руках и ногах. Вместе с одним стариком, своим сверстником, он устроил вдоль речки запруду и осенью, несмотря на непогоду, каждый день был занят своим любимым делом. Во время моего пребывания в с. Семеново, мне из окна было видно, как ежедневно медленно передвигалась лодка с двумя стариками вдоль частокола, где они часами копошились, вытаскивая и вновь опускная нехитрые речные снасти ...

Не менее десяти раз мною делались попытки получить более полные биографические данные, чтобы подробно развернуть восьмидесятилетнюю жизнь сказителя, но каждый раз это кончалось неудачей – старик упорно повторял одни и те же, уже не раз сообщенные им скучные факты. В скромности рассказа явно чувствовалось упорное нежелание рассказывать постороннему человеку о прошедших десятилетиях, а также и действительное однообразие прожитой жизни. Расспросы стариков-однодеревенцев не дали нужных результатов.

О Василии Степановиче Конашкове, от которого наш сказитель воспринял свой репертуар, не удалось собрать никакого материала. Почти 60 лет Федор Андреевич прожил в ссоре со своим дядей, помня, что в момент дележа в хозяйстве Василия Степановича было 15 рублей и племяннику из них не досталось ни копейки. Очевидно, по этой причине старик и не рассказывал ничего про дядю, в хозяйстве которого он прожил все детство и юность. Вероятно, между ними разыгралась очень обычная в крестьянском быту того времени тяжелая драма: один всю жизнь помнил, что кормил племянника-сироту, другой до конца жизни не забыл, что работал на дядю, а тот и не поделился с ним деньгами. Взаимная обида, вероятно, навсегда встала между ними такой непреодолимой преградой, что о старшем Конашкове так и не удалось ничего узнать; хорошего Федор Андреевич сказать не хотел, а плохого говорить о покойном, и тем самым „потревожить кости“, не позволяя страх перед усопшим.

В 1939 г. скончалась его жена, и это очень сильно отразилось на сказителе. Начался процесс одряхления: потеря памяти, ослабление зрения и т. д. В 1940 г. он приезжал в Петрозаводск (тогда удалось записать фонографом начало всех его былин) совсем хилым стариком. Умер он в 1941 г. у себя на родине. А. М. Линевский.

Двадцать два былинных сюжета дают достаточный материал, чтобы установить индивидуальные особенности репертуара Конашкова, а также творческий облик самого сказителя.

<...> Сопоставление всех записей позволило установить, что текст Федор Андреевич помнил прочно и его не менял. Никакой склонности к импровизации Конашков не проявлял. Вероятнее всего, Федор Андреевич был сказителем типа передатчика, исполнявшим текст в том виде, в котором он его воспринял.

Но на основании текстов его былин можно определенно сказать, что кто-то из Конашковых переработал сюжеты репертуара на свой лад. На это указывает один и тот же характер изменений во всех былинах, передаваемых Ф. А. Конашковым, по сравнению с несомненными первоисточниками и другими олонецкими обработками тех же сюжетов.

<...> В своих выступлениях Федор Андреевич учитывал особенности своего репертуара и состав аудитории. Свои былины он распределял по определенным группам слушателей, <...> для молодежи, ... для военных <...>, для детского восприятия.

Как показывают нотные записи, у Конашкова было лишь два напева, на которые он исполнял свои былины. Пропев 10–20 строк, сказитель отдавался ритму и монотонно, не понижая, не повышая голоса, пел былину до самого конца. Не петь он не

мог. <...> На мою просьбу продиктовать, всегда отвечал: „Сказывать не могу, не получица“. Пение продолжалось до самого конца былины, и оборвать его – значило на несколько дней обидеть старика.

Исполнительская манера Ф. А. Конашкова отличалась предельной простотой. Сказитель усаживался на стул, медленно перебирая вспухшими от простуды пальцами край деревенского пошива пиджака, пел без передышки, не останавливаясь даже для того, чтобы вобрать в себя воздух».

Линевский. С. 12–21; черновые варианты см.: АКНЦФ. 1. Оп. 39. № 13. Л. 10–16, № 80. Л. 26–31.

116д. <Линевский А. М. – о Конашкове Ф. А.>: «Уже свыше 40 лет тому назад Ф. А. Конашков перестал петь в коллективах лесорубов и рыбаков, что он любил делать в возрасте двадцати-тридцати лет, т. е. в 80–90-х гг. XIX века. Еще в конце прошлого столетия он начал промышлять самостоятельно и, не нуждаясь в рабочих руках, вследствие большой численности семьи, зажил в значительной степени изолированно от земляков. Судя по рассказам последних, Конашков в этот период „берег от соседей свои старины пуще короба хлеба“ . Этую боязнь, что его былины „переймут на сторону“, сказитель сохранял до самой смерти, и у себя на родине выступал с явной неохотой.

Вероятно, сказитель все более и более замыкался бы в себе, <...> если бы не случилось Великой Октябрьской революции. Более 60 лет пел Федор Андреевич свои былины, но только в советское время он получил признание как выдающийся сказитель».

Линевский. С. 9.

116е. <Из статьи А. М. Астаховой «Былины в Карело-Финской ССР>: <...> «Выдающийся пудожский сказитель, восьмидесятилетний Федор Андреевич Конашков из села Семеново, известным за пределами родного края становится лишь в советское время, хотя отдельные собиратели знали его еще с 90-х годов XX века. В настоящее время имя Конашкова пользуется широкой известностью. Он не раз выступал в Москве, Ленинграде и Петрозаводске. Конашков член Союза советских писателей, награжден орденом „Знак Почета“. Он не только хранитель эпической старины, но и создатель новых эпических сказаний и сказок на современные темы.

В области стариинного эпического искусства Ф. А. Конашков большой мастер. Репертуар его очень значителен (более 20 сюжетов) и разнообразен, включает и героические былины, и новеллы, и былины балладного типа. Тексты отличаются большой образностью.

Федор Андреевич глубоко любит былинное искусство. Он готов без конца петь былины и так увлекается, что его трудно бывает остановить. Очень обижается, когда его прерывают и не дают петь, сколько ему хочется. Во время исполнения он всецело погружается в мир эпических образов. <...> Былины сопровождали Конашкова в течение всей его жизни, давали ему много радости и художественного наслаждения. Понятно то счастье, которое он испытывает сейчас, на закате жизни, когда видит внимание и интерес к своему любимому искусству.

<...> Описание в былинах Конашкова, посвященных Сталину, Ворошилову и Кирову, „Кировской дорожки“, по которой „города да со пригородками“, и канала Беломорского, по которому „ходят кораблики заморьскии, а до самого Онеського до озера“, основываются на реальных впечатлениях сказителя; летом 1936 г.

Конашков сопровождал экскурсию американцев по Беломорскому каналу. Он сам говорит, объясняя создание им былины: „У самого-то по каналу и Мурманsku выгляжено все“.

Астахова. С. 36, 42.

116ж. <...> «Он <Ф. А. Конашков> любил свои былины, готов был петь их без конца, находил в былинном сказительстве много прекрасного, близкого его художественной натуре. Петрозаводская общественность хорошо помнит колоритного старика, смышлена и не по возрасту бодрого, с живыми, искрящимися глазами, седой окладистой бородой, прикрывающей изрытое морщинами и овеянное ветром лицо. Федор Андреевич знал также сказки, особенно он любил рассказывать про хитрого Ерша Ершовича. Умер Ф. А. Конашков в 1941 г.».

Базанов, 1947. С. 81–82.

116з. <Воспоминания П. Н. Денисовой о сказителе Ф. А. Конашкове>: «Вся семья работящая была. Федор-то рожден без отца. Мать Федора говорила, что после смерти мужа вздумала она раз подзор одеть да на улицу выйти, так свекор при всех сказал: „Наша-то Хрестова уж накрутилась“. Поплакала мать-то Конашкова да как платок на лоб натянула, так и не сняла до самой смерти. Зимой Федор сетки вязал, да весной, да летом рыбу ловил. Стихи-то Федор научился от дяди петь. Еще у нас тут бабка Миронова <была>, ох, много стихов знала. Сын-то её много знает, да рассказать не хочет.

Поденщики у Конашкова не обижались ни на стол, ни на плату».

Зап. в августе 1938 г. в д. Семеново А. В. Белованова. – АКНЦ 6/64.

116и. Многие, особенно шальские, говорят о Конашкове Федоре Андреевиче. Оказывается, его знают многие крестьяне. Популярности его в деревне могли бы завидовать некоторые карельские поэты и писатели.

Зап. в июле 1940 г. в д. Якушева Каршевского сельсовета Г. Н. Парилова. – АКНЦ 8/35. Л. 2.

116к. О Конашкове Ф. А. и Пашковой А. М. здесь (д. Матвеевская (Погост) Каршевского сельсовета) знают все. По мнению местных дедов, Конашков плохо поет. «Старики раньше лучше пели». Знают, что Конашкова и Пашкову возили в Москву.

Зап. в июле 1940 г. А. Д. Соймонов. – АКНЦ 8/5. Л. 7.

116л. <Вспоминает Терехова Александра Федоровна из д. Мелентьевская>: «Конашкова слышала из Семеновой, дак далёко ему до наших мелентьевских стариков».

Зап. в 1980 г. В. П. Кузнецова. – АКНЦ 144/142. С. 6 (дневник).

116м. <Из статьи А. П. Разумовой «Могила сказителя Ф. А. Конашкова>: <...> «В историю русской литературы Ф. А. Конашков вошел как один из крупнейших носителей народной эпической поэзии.

Ф. А. Конашков умер в деревне Семеново в 1941 г. на 81-м году жизни. В течение последних лет сказитель получал персональную пенсию.

Дома, в которых жил Ф. А. Конашков в деревне Семеново, не сохранились. Единственным мемориальным памятником, связанным с именем сказителя, является его могила на сельском кладбище.

Могила Ф. А. Конашкова обрамлена бетонным поребриком. В изголовье на массивном двухступенчатом бетонированном основании установлен монолитный бетонный обелиск, выполненный с добавлением каменной крошки. Верхняя часть обелиска несколько уже основания; сечение обелиска прямоугольное. В верхней части лицевой стороны памятника вмонтирована эмалированная пластина овальной формы с фотопортретом Ф. А. Конашкова. В нижней части пластины, непосредственно под портретом, фотоспособом сделана надпись следующего содержания:

ФЕДОР АНДРЕЕВИЧ КОНАШКОВ
1860—1941

Вокруг могилы сооружена ограда из толстого стального прута».

Разумова. С. 164.

117. КОНАШКОВА АЛЕКСАНДРА ТИМОФЕЕВНА, 1891 г. р., родом из д. Семёново, известная сказительница, знаток традиционных песен и сказок; невестка знаменитого пудожского сказителя Ф. А. Конашкова. С 30-х годов Конашковой создавала песни и сказы на советские темы <...>. Сын Конашковой погиб во время Великой Отечественной войны.

Чистов, 1960. С. 416 (примечание).

117а. <Из статьи «Судьба карельской женщины» в газ. «Красная Карелия» от 8 июня 1939 г. (Выступление А. Т. Конашковой на первом Всекарельском совещании сказителей)>:

«Почти все присутствующие здесь женщины испытывали на себе тяжесть прежней жизни. Некрасов писал: „Доляшка русская, долюшка женская, вряд ли труднее сыскать“. С болью в сердце мы вспоминаем эту долю. Когда мы ходили в девках, не видели счастья, жили под вечной угрозой отца, каждый наш шаг был на учете. Когда же мы выходили замуж, над нашими головами опускалась черная крыша; мы всех боялись: и свекра, и свекрови, и других мужинных родственников, дрожали не только перед стариками, но и перед малыми детьми.

Когда после Октябрьской революции женщина стала свободна, нам еще долго пришлось бороться за свои права. Когда нас выбирали делегатками, мы на-тыкались на сопротивление несознательных мужей. Не раз у меня ворота вылетали: уйду на собрание, а муж закроет ворота, вот я и высаживала их с петель. Я ему говорю: „половина окон мои, а половина твои, — не смей закрывать ворот!“ Всегда настойчиво на своем <...>.

Когда я пришла в Институт, у меня и в мыслях не было, что мои строки появятся когда-нибудь в книге или газете. Я сказала, что знаю старинные песни. А тов. Лозanova спрашивает: „Не можешь ли ты составить какой-нибудь плач?“ Я говорю: „Вы скажите, что мне составить?“ А она мне говорит: „Сделайте плач о сыне-пограничнике“. <...> Сделала я плач, принесла, а мне говорят: вот здесь такие-то недостатки.

